

В ходе проведенного исследования были изучены особенности межличностных отношений представителей татарской, удмуртской и русской этнических групп, что позволило нам сформулировать следующие выводы:

1) выявлено, что представители трех этнических групп отличаются друг от друга по используемой стратегии ухода в конфликтной ситуации, чаще всего предпочитают уходить от конфликтного взаимодействия удмурты, далее татары и очень редко русские. Удмурты чаще, чем представители татарского и русского этносов уходят от конфликтного взаимодействия, если понимают, что ситуация может разрешиться сама собой, либо если в данный момент времени нет условий для эффективного разрешения конфликта, но они могут появиться в будущем;

2) зафиксировано, что татары и русские отличаются от удмуртов по выраженности независимого типа межличностных отношений, показатели которого ниже у удмуртов. То есть, представители удмуртской этнической группы менее всего ориентированы на себя в общении и менее, чем татары и русские склонны к соперничеству;

3) представители татарского этноса значимо отличаются от удмуртов большей выраженностью стремления к принятию, чаще пытаются сгладить острые моменты взаимоотношений, они больше чем удмурты стремятся к тому, чтобы их принимали, любили, ради чего могут жертвовать своими целями. Также представители татарского этноса более агрессивны в межличностных отношениях и чуть более альтруистичны, чем представители удмуртского этноса, они уверены в себе, ориентированы на себя, упрямы и настойчивы в достижении цели, энергичны и непосредственны, но при этом более деликатны, бескорыстны и отзывчивы к людям, чем удмурты, что в целом уравнивает проявления их агрессивности и напористости с межэтнических отношениях.

Таким образом, своевременно проводимые исследования состояния межэтнических отношений, принимаемые на республиканском уровне программы по «Гармонизации межэтнических отношений, профилактики экстремизма и терроризма в Удмуртской Республике» должны способствовать стабильной этнополитической ситуации в Удмуртии, консолидации многонационального населения республики, формированию единого информационного пространства для пропаганды и распространения идей толерантности, гражданской солидарности, уважения к другим культурам, в том числе через средства массовой информации [1].

Список литературы: 1. Гармонизация межэтнических отношений в Удмуртской Республике // Администрация Президента и Правительства Удмуртской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.udmurt.ru/about/info/news/?ELEMENT_ID=5447. 2. Национальный состав населения Удмуртии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://udmurtia.labore.ru/nacionalnyj-sostav-naselenia-udmurtii>. 3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: [учебное пособие] / Стефаненко Т. Г. – Москва: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

*Тучкова Т. В.
г. Мурманск, Россия*

ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Метафизический уровень национального самопознания ярко, оригинально, всеобъемлюще представлен в работах православных богословов и философов русского зарубе-

жья. Исследование феноменов национального сознания, осуществленное в работах философов серебряного века, позволяет выделить такие его грани, как понимание нации с ее этноконсолидирующими признаками; «русская идея» как концептуальное выражение национального сознания, отражающая специфику национального характера; взаимоотношения и взаимодействие национального и общечеловеческого компонентов в самосознании русского народа; национализм как результат и форма национальной рефлексии народа.

Вопросы этнических общностей издавна занимали видное место в трудах многих исследователей. В отечественной философской традиции понятия этнического и национального не всегда рассматривались как тождественные, а порой можно встретить и отказ нации в праве на ее объективное реальное существование. Показательна в этой связи эволюция взглядов П. А. Сорокина по данному вопросу. Оценивая различные точки зрения на природу национальности, он выделяет признаки, которые исследователями были положены в основу определения сути нации. Но П. А. Сорокин не удовлетворен этими теориями, сводящими этнос к общности людей с особой связью, возникающей на базе признаков единства крови, языка, религии, исторических судеб, морали, права, нравов, мировоззрения. В противовес каждой позиции он выдвигает контраргументы, заявляя, что не существует национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства, поскольку нельзя отыскать специальных национальных факторов, отличных от религиозных, экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, сословно-профессиональных, территориальных и других. Философ замечает, что национального объективно не существует именно вне социального контекста – определенных экономических, политических, духовных отношений, взаимодействия людей в их единстве. Отрицание всех признаков нации, тем не менее, не мешает ему признать наличие социальных групп, объединенных рядом условий, и это сближает его с теми, кто называет их нациями [8].

Через полвека П. А. Сорокин отказывается от попытки подвести все многообразие национальных проблем к одним лишь проблемам социального неравенства, считая возможным назвать нацию своеобразной социальной системой «...с многосторонними связями, объединенной сращением государственных, этнических и территориальных связей». Признаки нации, которые, по его мнению, позволяют достичь этнической идеентичности, – это принадлежность граждан к одному государству, владение общим языком и совокупностью культурных ценностей, нажитых их предшественниками в процессе общей для данной нации истории; обладание общей территорией, на которой жили предки. И свою задачу ученый видит в том, чтобы изучать нацию как целостную систему, состоящую из структурных и динамических черт, меняющихся в истории ее становления и развития [9].

Проблема национального сознания так же является центральной в творчестве Г. П. Федотова. Он раскрывает мировоззренческие и методологические основы подхода к данным вопросам: «Нация... это категория прежде всего культурная, а во вторую очередь политическая. Мы можем определить ее как совпадение государства и культуры. Не народ (нация) создает историю, а история создает народ» [11]. По мнению философа, культурное единство, включающее религию, язык, систему нравственных понятий, общность быта, искусства, является венцом государственного, формируется в процессе исторической эволюции народа. Особую роль отводит религии как важнейшему компоненту национальной жизни, заявляя, что без нее нет нации.

Логика рассуждений И. А. Ильина подводит его к умозаключению, что дух и жизнь нации едины и именно духовный опыт является глубокой сущностью национальной жизни. По мнению мыслителя, национальное единение людей «возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы... из одинакового созерцания, из единого языка,

из однородной веры и их совместной молитвы» [3]. По убеждению И. А. Ильина, своеобразие нации обуславливается высоким духовным строем, который задает православие, особенностями национального характера народа и национальной культуры.

С. Н. Булгаков уже в ранних трудах уделяет много внимания исследованию проблем национальности, раскрывая природу, идею и ценности нации. Еще в ранних работах он выделяет два подхода к пониманию сути нации: позитивизм, описывающий нацию через совокупность национальных черт и проявлений, и мистический реализм, к которому тяготел и сам философ, настаивая на значительной роли бессознательного в жизни нации, утверждая нацию «как трансцендентную реальность, интуитивно познаваемую в непосредственном переживании». Инстинкт национальности, согласно С. Н. Булгакову, способен из слепого состояния переходить в сознание, переживаться как род эроса, любви, мистического влечения к народу, как переживание соборности, т.е. нахождения себя в единстве с другими. Национальные характеристики проявляются в культуре народа, прежде всего в языке, вере, мифологии [2].

Учение о нации и национальном характере наиболее полно в русской зарубежной философии развито в трудах Н. А. Бердяева. Нацию и национальность он рассматривал как исторически детерминированные явления жизни народа, динамические субстанции. «Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно – культурного процесса, создающего ее неповторимый духовный лик». В представлении философа национальность отличается иррациональностью, мистичностью, таинственностью; сущность нации нельзя исчерпать рационально уловимыми признаками, хотя к ним относят язык, религию, территорию, государственный суверенитет, единство исторической судьбы [1].

Таким образом, анализ взглядов философов русского зарубежья на природу нации показал, что данный феномен расценивается ими как сложное явление, как синтез осознаваемых, исторически детерминированных признаков, и бессознательного, иррационального начала. Мыслители подчеркивали ведущую роль культуры, религии как оплота и стержня национальной жизни (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский) и государственности (И. Л. Солоневич, Г. П. Федотов). В них им видится объединяющее начало нации. В характеристике нации наряду с этнообразующими факторами (общность территорий, эндогамия) они указывают на наличие в ней этнодифференцирующих признаков (языка, культуры, ценностей и норм, представлений о родной земле) и национального самосознания, производного от первых двух и избирательно их отражающего. Подобное, отчасти мистическое представление о нации стало проекцией ярко выраженных религиозных тенденций философского ренессанса, эмоционально-интуитивистского способа познания объекта, свойственного многим ученым, предположений о религиозности как смыслообразующей черте русского народа, о стихийности как о глубинном основании национального характера.

Выявленные тенденции в понимании нации русскими философами современны и поныне. Философская полемика российских ученых вокруг терминов «нация» и «национальность» выражена в двух подходах: историческом и постмодернистском. Сторонники первого видят в нации мощную социальную и историческую реальность, которая обладает объективными характеристиками: территорией, языком, общностью хозяйства, психологического склада и т.д. и предполагающими самоидентификацию с ними. Они так же, как и философы русского зарубежья, отмечают историчность процесса образования наций: «Нация – понятие не статики, а динамики, социально – исторического творчества, ею не рождаются, а становятся. Она – не индульгенция, а исторический путь формирования и разви-

тия единого смысла существования национальной общности. Жизнеспособны лишь те нации, которые способны обновлять исторический смысл своего бытия» [5].

Теоретики постмодернистского подхода понятие нации расценивают как семантико-метафорическую категорию, отказывая ей в объективности содержания. Авторы, разделяющие такой подход, связывают возникновение наций как «воображаемых общностей» (термин Б. Андерсона) с усилиями политиков и отдельных представителей интеллигенции по конструированию суверенных социумов с целью решения идеологических задач воздействия на массы и управления ими. По мнению В. А. Тишкова, «метафора нации служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения государства». Автор предполагает, что о «нации-строительстве» можно не беспокоиться, если у граждан имеется достаточно высокий уровень социального комфорта [10].

Эмпирические данные исследования современного массового сознания россиян показывают актуальность выделенных философами русского зарубежья признаков нации. Так, этническая консолидация русских связывается с идентификацией с Российским государством в целом. Главными этноконсолидирующими признаками нации в отсутствие нормальной национальной идеи являются государство, в котором мы живем (33,7%), образ жизни (31,1%), язык (33%). Схожие результаты были обнаружены при проведении исследования «Советский менталитет в массовом сознании русских» (1996 г., 650 человек): 84,7% участников всероссийского опроса убеждены в том, что государство должно заботиться в равной мере обо всех гражданах, причем стереотип патернализма в ментальных установках россиян не зависит ни от пола, ни от уровня образования, ни от возраста, ни от места жительства [7].

Национальное самосознание русских включает в себя такую модальную ценность, как этатизм – особое ценностное отношение к государству- державе, которое, прежде всего, обеспечивает национальную консолидацию. В 1996 г. 67,8% россиян были уверены в том, что Россия должна сохранить статус великой державы. Многие исторические события (например, война с Наполеоном и другие) или свидетельства технической революции (полет Ю. Гагарина) интерпретируются гражданами как проявление могущества государства [7].

Причины гипертрофии надежд на власть видятся ученым в огромности пространств России, отрезанности сельского населения от городов и столицы, в чересполосице культур и цивилизаций, в необходимости подчинения отдельных индивидов интересам целого, в потребности поддержания политической традиции, которая бы сдерживала социальную и национальную конфронтацию, в «недостатке скрепляющей силы», роль которой на Западе играет «третье сословие» [6].

В ряду параметров идентичности высок рейтинг такого признака, как «русский характер». Но не только внешние ориентационные индикаторы (этноним, язык, культура, семья, родственники и т.д.), а и самоощущение, самочувствие индивида предопределяют процесс идентификации. 79% опрошенных ориентируется не на объективные признаки «русскости» (за исключением отмеченных выше), а на субъективное самоощущение человека («считает себя русским»). Такое самоощущение сегодня кажется людям гораздо важнее, чем постоянное место проживания («живет в России»), гражданство, национальная принадлежность, вероисповедание, политическая деятельность [5].

Анализируя реалии российского общественного сознания, исследователи отмечают доминирование ориентации на традиционно русские ценности у россиян (46%) при относительно сдержанном отношении к советским (16%) и более чем сдержанном – к западным (4%). По их мнению, такая направленность показывает, что образ нации и государства люди предпочитают искать не в зарубежном настоящем и не в советском

прошлом, а в глубинной отечественной традиции, что является подтверждением ненайденности этого образа: сознание россиян все еще пребывает в стадии отмежевания от советского и от западного опыта. Исследование представлений россиян о том, какие признаки обязательны для русского человека, показало: самоидентификация русских сегодня – это, прежде всего, идентификация с Россией как территориально-страновой общностью («любит Россию, считает ее своей Родиной» – 87%), русской культурой («любит русскую культуру, обычаи, традиции» – 84%) и русским языком («говорит на русском языке» – 80%) [5].

Список литературы: 1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1998. С. 350–358. 2. Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 435. 3. Ильин И. А. Религиозный смысл философии // И. А. Ильин. Возрождение гегелианства. Сочинения: В 2 т. – М., 1993. Т. 2. С. 42. 4. Клямкин И. М., Лапкин В. В. «Русский вопрос» в России // Политические исследования. – 1995. № 5. С. 78. 5. Левяш Т. Я. Культурология. – Минск, 1998. С. 121. 6. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 32. 7. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. – СПб, 1999. С. 147–150. 8. Сорокин П. А. Национальный вопрос как проблема социального равенства // Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия / Сост. Ю. В. Чернявская. – Минск, 1998. 9. Сорокин П. А. О русской нации. Россия и Америка // П. А. Сорокин. Существенно важные черты русской нации в XX веке. – М., 1992. С. 25–32. 10. Тишков В. А. Забыть о нации // Вопросы философии. – 1998. № 11. С. 8–14. 11. Федотов Г. П. Новое Отечество // Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. В 2 т. – СПб, 1991. Т. 2. С. 245.

*Фролов В. М.
г. Харьков, Украина*

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛАРМИЗМ О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Употребляя термин «алармизм», обычно имеют в виду позицию, тревожное мироощущение, связанное с остро негативным представлением о существующем в обществе положении вещей, предвидение нарастающих проблем и бедствий, призывы к принятию необходимых спасительных мер. Обычно это относится к опасениям и прогнозам учёных, исследователей, общественных деятелей в отношении быстрого истощения земных ресурсов (ископаемых, пресной воды) в результате неразумной деятельности человечества, к проблемам загрязнения окружающей среды, сокращения биологического разнообразия на планете, неконтролируемого роста населения и тому подобным процессам, которые значительно ухудшат качество жизни большинства людей, а может быть, приведут к вырождению и гибели человечества.

Ещё несколько десятилетий назад многими учёными, общественными и политическими деятелями, массами людей остро ощущалась и переживалась опасность глобальной ядерной войны. В последние десятилетия, с уходом в прошлое холодной войны, противостояния двух мировых социально-экономических и идеологических систем, уменьшилась тревога по поводу глобальной ядерной войны. В целом в мире и в значительной мере на постсоветском пространстве возобладало представление о том, что эта опасность уменьшилась именно вследствие того, что нет больше острого противостоя-